

COMMUNICATIVE ASPECTS OF INTONATION

Barbuk S.

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistic Disciplines and Intercultural Communications, Belarusian State University (Minsk)

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТОНАЦИИ

Барбук С.

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Белорусского государственного университета (Минск)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.10381126>

Abstract

Intonation plays a large role in understanding the meaning of utterance. Changing intonation can completely change the meaning of a sentence. We cannot say in advance what the intonation will be, because it arises in the text, not in the sentence. Each voiced sentence (statement) is associated with a specific consignment corresponding to its intonem.

Аннотация

Интонация играет большую роль для понимания смысла высказывания. Изменение интонации может полностью изменить смысл предложения. Заранее мы не можем сказать, какая будет интонация, т.к. она возникает в тексте, а не в предложении. Каждое озвученное предложение (высказывание) связывается с конкретной соответствующей его интономе конситуацией.

Keywords: metacommunication, consignment, communicative paradigm, intonation construction.

Ключевые слова: метакоммуникации, конситуация, коммуникативная парадигма, интонационная конструкция.

В последние десятилетия активно изучаются как коммуникативные, так и метакоммуникативные процессы. В момент возникновения теории коммуникации во второй половине XX в. коммуникативные процессы представлялись в первую очередь как процессы передачи информации. Информационная модель, реализованная, к примеру, в кибернетической схеме К. Шеннона и У. Уивера, отдает приоритет информации перед коммуникацией. Она включает такие элементы, как источник информации, кодирующее устройство, канал связи, помехи, декодирующее устройство, приемник информации. Подобные технически ориентированные модели не могут адекватно описывать вербальную человеческую коммуникацию. Основателем модели коммуникации, учитывающей сотрудничество коммуникантов, стал П. Грайс [4]. Согласно этой модели, в основе коммуникативных процессов лежит желание говорящего как передать информацию, так и сделать свои намерения понятными собеседнику, то есть постулируется наличие связи между коммуникантами. Именно связь общающихся над уровнем непосредственно протекающей между ними коммуникации и лежит в основе понятия метакоммуникации. [9].

«Понятие метакоммуникации относится к числу наиболее употребляемых и достаточно вариативно интерпретируемых в современной лингвистике. Это вполне объяснимо: используя любые метакоммуникативные ходы, мы не только осуществляем ситуативную, сиюминутную коррекцию речевого поведения, но и актуализируем ту систему координат, в рамках которой осуществляется, регулируется и оценивается вся наша речевая деятельность.

При этом важно подчеркнуть, что в большинстве металингвистические и метакоммуникативные сообщения остаются имплицитными, но при обучении иностранному языку эту систему необходимо конструировать эксплицитно, целенаправленно и последовательно, учитывая как национально-культурные, так и социорольные особенности коммуникативной ситуации» [6].

М.М. Бахтин выдвигал следующие идеи для понимания коммуникации:

1) необходимый признак любого высказывания является его обращенность, адресованность, то есть, без слушающего нет и говорящего, без адресата нет и адресанта;

2) всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте.

Согласно Р. Барту, слово не имеет значения, слово – только возможность значения, получающее его в конкретном тексте. Более того, каждое новое прочтение текста создает новое значение, читающий как бы пишет свой собственный текст заново [2].

Французский исследователь болгарского происхождения Юлия Кристева, развивая идеи Бахтина и Барта, предложила понятие интертекстуальности: всякий текст создается в виде ‘цитатной мозаики’, прямых или косвенных ссылок на ранее воспринятые чужие тексты [7].

Если принять все человеческое поведение за коммуникацию, «то мы будем иметь дело не с изолированной единицей сообщения, а с изменчивым и многогранным объединением многих форм поведения — вербальных, тональных, касающихся поз,

контекстуальных и т.д., каждая из которых определяет смысл всех остальных» [3].

Для нас в данном случае наибольший интерес представляют именно тональные формы коммуникации.

Интонация – это изменение основного тона, интенсивности и длительности звучащего предложения, которое способствует членению потока речи на отдельные отрезки – синтагмы. При помощи интонации говорящий выражает свои чувства, пожелания, волеизъявления и т.п. Под интонацией понимают целый ряд средств организации звучащей речи, это – мелодика, динамика (сила) звучания отдельных слов, темп речи, тембр речи и паузы. Все они существуют в единстве. В современном русском языке две основные мелодические формы: нисходящая и восходящая.

Когда почти полтора десятилетия назад И. Калайдович подсчитал возможности перестановки слов в русском предложении – “без возвышения голоса и с возвышением оного на каждом слове порознь”, он еще не подозревал, что открыл “коммуникативную парадигму” из 24 членов для 3-словного предложения *Дай мне хлеба*, и из 120 членов для четырехсловного *Мой брат был здесь*. Но он понимал, что не все исчисленные им варианты стоят в одном ряду: в трех словах 24 способами (“различными образами”) могут быть на русском языке выражены 4 мысли:

Дай мне хлЕба
ДАй мне хлеба
МнЕ дай хлеба
ХлЕба мне дай

А в четырех словах 120 “образами” могут быть выражены 5 мыслей. Выражаясь современным языком, перед нами стоит проблема соотношения синтаксической структуры, семантической структуры и актуальной, или коммуникативной, структуры предложения [1].

Например: *Увидимся завтра вечером* – предложение состоит из одной синтагмы; *Увидимся завтра // вечером* – предложение состоит из двух синтагм (уточняется время встречи; *Увидимся...// завтра вечером* – здесь основная мысль передана первой синтагмой, а во второй синтагме (в присоединительной конструкции) раскрывается и уточняется время встречи.

“*Мой товарищ встречал брата с сестрой*”, где в зависимости от интонации смысл предложения меняется – встречал брата (одного) или встречал брата с сестрой (двоих).

Эти случаи отличаются от обычной интонации, выделяющей логически важный в информационном отношении элемент предложения, так как он может быть любым, ср. – *Он приехал вчера*, хотя чаще это выражается порядком слов.

Синтагма есть «интонационно-семанτικο-синтаксическая» единица речи, часть высказывания (реже — целое высказывание), возникающая в процессе его порождения. Так или примерно так определяют синтагму ученые-интонологи, и подобные дефиниции, по существу, повторяют определение Л. В. Щербы.

Однако не все в этом определении является самоочевидным, и в понятиях синтагмы и синтагматического членения до сих пор многое остается неясным и подчас трудно объяснимым.

Наиболее изучены синтагмы со стороны интонационной, поскольку само выделение их и наблюдения над ними начинаются с анализа звучащей речи. С просодической стороны синтагматическое членение – это чередование высотных перепадов мелодики на границах синтагм:

Старший брат / после службы в армии / пошёл работать / на тракторный завод.

Мелодические перепады возникают из-за синтагматического акцента, который сопровождает последнее слово каждой (неконечной) синтагмы и закрепляет ее фонетическую целостность (слитность).

С точки зрения структурной, как указывал Л. В. Щерба, синтагмы могут быть представлены и одним словом, и сочетанием слов (вплоть до предикативного). Это возможно потому, что синтагматическое членение основывается на валентных свойствах объединяющихся (или не объединяющихся!) в синтагмы слов, сочетательные интенции которых и находят свое разрешение в данном членении. Ср.: *Мой сын / учится во втором классе* и *Мой / сын учится во втором / классе*, где второй пример, в котором не разрешены валентные потребности составляющих высказывание слов, представляет синтагматическое членение, не свойственное русской речи.

При объединении слов в неоднословные синтагмы эти синтагмы получают относительную грамматическую и семантическую целостность – в том виде, как эта целостность проявляется в простых или сложных словосочетаниях, с которыми у синтагм и существует структурно-семантическая корреляция.

Любое высказывание представляет собой семантико-интонационную структуру, которая может быть расчленена на ряд неравнозначных в смысловом и коммуникативном отношении отрезков. В разных высказываниях, создаваемых на базе даже одного предложения с одним и тем же лексико-грамматическим составом, возможны варианты синтагматического членения и – соответственно – разные по структуре синтагмы. Справедливо писал в данной связи Н.И. Жинкин: «Таким образом, интонация возникает в самом процессе коммуникации, т.е. в тексте, а не в предложении. Нельзя заранее предрешишь, какой будет интонация данного предложения. Вот почему многие акустические записи отдельных предложений, иногда рекомендуемые при обучении иностранному языку, недостоверны» [5, с. 110]. Они могут быть «достоверными» и дидактически пригодными в том случае, если каждое озвученное предложение (высказывание) будет связываться в процессе обучения с конкретной и соответствующей его интонеми конситуацией.

Интонация выполняет важные функции: она не только оформляет фразы и различные синтаксические конструкции, но и участвует в выражении мыслей, чувств и волеизъявлений людей. Один и тот же отрезок звучащей речи в зависимости от

того, как, с какой интонацией он будет произнесен, может иметь разное значение: *Он пришел.* – *Он пришел?* – *Он пришел!* В данных примерах представлены три основные интонационные конструкции: ИК-1, ИК-2, ИК-3. Однако мы прекрасно знаем, что в литературе описывается семь(!) интонационных конструкций. Очень трудно, даже носителю русского языка как родного, объяснить, например, различие между ИК-2 и ИК-5. В одном из пособий употребление этих конструкций поясняется так: «ИК-2 употребляется при обращениях, приветствиях, в восклицаниях: Здравствуй! Осторожно! Там опасно! Если обращение, просьба, приветствие, благодарность эмоционально окрашены, фраза произносится с более интенсивным повышением тона в центре ИК, например: Кака²я встреча! Ка²к я рада! ИК-5 употребляется в восклицательных предложениях при выражении эмоционально окрашенной оценки. Обычно это предложения с местоименными словами: какой, как, сколько: Ка⁵к красиво! Како⁵е небо! Ско⁵лько простора!» [8] Как видим, отличие в данных определениях только одно – ситуации, в которых произносятся фразы. Хотя фраза «Ка²к я рада!» что означает: восклицание, оценку? Совершенно очевидно, что для объяснения употребления той или иной конструкции мы должны обращаться к ситуациям, в которых происходит речевое общение.

Также интонационные конструкции 1, 2, 3, 4, 6 употребляются при перечислении. Рассматривая ситуации, в которых употребляются данные конструкции, мы пришли к следующим выводам.

ИК-1 употребляется при выражении завершенности семантико-синтаксически завершенных частей простого или сложного предложения в случае отсутствия сопоставления или противопоставления этих частей: *Он жил в Пари¹же, в Ло¹ндоне, в Мадри¹де.*

ИК-2 употребляется при смысловом выделении слов: *Он споко²йный, серьё²зный, молчали²вый.*

ИК-3 употребляется в том случае, если говорящему требуется какое-то минимальное количество времени, чтобы вспомнить всё, что нужно перечислить: *Нам нужно сходить в магази³н/ и купить ма³сло,/молоко³/,хле³б/и смета¹ну.* Пример на ИК-1 можно прочесть с интонацией незавершенности, учитывая ситуацию, когда нужно вспомнить.

ИК-4 употребляется при перечислении с оттенком требования: *Вы должны прочитать Пу⁴шкина,/ Ле⁴рмонтова,/ Достое⁴вского,/ Че⁴хова.* Как видим, требование может быть выражено лексически «должны».

ИК-6 употребляется при перечислении в романтической, мечтательной обстановке: *Мор⁶е,/ ночной пля⁶ж,/ далёкая му⁶зыка/ и это странное чувство близкой ра¹дости. Мы слушали му⁶зыку,/ пили вино⁶/,танцева⁶ли.*

ИК-1, ИК-2 и ИК-3 используются для выражения совета, рекомендации, приказа, вежливой просьбы. В этих конструкциях представлена форма повелительного наклонения, выраженная как эксплицитно, так и имплицитно. Можно попытаться дифференцировать эти конструкции таким образом: привлечение внимания собеседника в обращениях и этикетных формах – ИК-2, вежливая просьба

с интонационным центром на форме глагола – ИК-3, совет или рекомендация – ИК-1.

Оценка, высокая степень признака может выражаться следующими конструкциями: ИК-5, ИК-6, ИК-7.

Како⁵й прекрасный человек! Како⁵й человек!

Какой вкусный то⁶рт! Какой то⁶рт! (интонационный центр не на местоимении).

Хорошо⁷! Какой то⁷рт!

Незавершенность может выражаться конструкциями ИК-3, ИК-4, ИК-6.

ИК-3, ИК-4 при выражении незавершенности используются с целью усиления смысловых связей частей простого, сложного и бессоюзного предложений: *Где-то близко ударил гро³м, /напугав всех.*

ИК-6 употребляется при выражении незавершенности в синтагмах для придания речи эмоциональности, возвышенности, лиричности: *Ночи были непрог¹л¹дны,/ в чёрной тьме плы⁶ли,/ мерца⁶ли,/ светили топазовым све⁶том /огненные му⁶хи, /стеклянными колоко⁶льчиками /звенели древесные лягу⁶шки.*

Конечно, более детальное рассмотрение примеров употребления интонационных конструкций позволит выявить и описать все возможные ситуации, а так же лексические и грамматические маркеры, что позволит создать соответствующие алгоритмы для автоматической разметки текстов.

Список литературы:

1. Барбук С.Г. Анализ лингвистической изомерии на разных уровнях. Дисс. канд. филол. наук: 10.02.19./БГУ. – Минск, 2000. – 120 с.
2. Барт, Р. Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности: Конспекты лекций в Коллеж де Франс, 1976-1977 гг. / Пер. с фр.: Бражникова Яна; ред.: Зенкин Сергей, 2016.
3. Бейтсон Г. Природа и разум. Необходимое единство. / Пер. А. И. Фета. — Новосибирск: Институт семейной терапии, 2005. — 187 с
4. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 222–223.
5. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М.: Наука, 1982. — С.110.
6. Задворная Е. Г., Метакоммуникативная организация диалога: социорологический аспект, Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам, Материалы V Международной научной конференции, посвященной 90-летию образования БГУ, Минск, 28 октября 2011 г.
7. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу. — М.: Академический проект, 2013. — 288 с.
8. Одинцова И.В. Звуки. Ритмика, Интонация. — М.: Флинта, 2017. — 367 с.
9. Шавалиева, Е. Б. Коммуникативные vs метакоммуникативные процессы, Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании, III международная научно-практическая конференция, Минск, 2012 г.